

является одной из важнейших социальных дисциплин, которая содействует жизни общества» [2, с. 174].

Общество, в котором свобода слова стала осознаваться как одна из высших ценностей, пришла к пониманию того, что владение родным языком, умение продуцировать тексты различного функционального содержания в соответствии с коммуникативными намерениями говорящего и ситуацией общения, вести дискуссию и полемику, инициировать коммуникативный акт и регулировать коммуникативное поведение сторон, создавать условия для корректной референции – важные характеристики профессиональных умений в различных сферах деятельности. Поэтому повышение качества преподавания русского языка предполагает воспитание, прежде всего, читательской культуры. Невозможно привить любовь к слову, увидеть его потенциал, не воспитывая культуру чтения, которая у современной молодежи крайне низкая. Между тем именно читательская компетентность – залог высокой культуры потребления информации, в том числе и средствами информационных технологий. В противном случае компьютер становится только источником сомнительных развлечений и пустого времяпрепровождения.

Литература

1. *Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества* / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 423 с.
2. *Колшанский, Г. В. Коммуникативная функция и структура языка* / Г. В. Колшанский. – М. : Наука, 1984. – 175 с.
3. *Лотман, Ю. М. Структура художественного текста* / Ю. М. Лотман. – М. : Искусство, 1970. – 383 с.
4. *Новиков, Л. А. Искусство слова* / Л. А. Новиков. – М. : Педагогика, 1982. – 128 с.

И. К. Кудрявцева (Беларусь)

ПРОБЛЕМА ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ БОББИ ЭНН МЕЙСОН

Проза Бобби Энн Мейсон стала заметным явлением в американской литературе конца XX – начала XXI веков. Писательница родилась в 1940 г. в Кентукки и была замечена читателями и литературными критиками после выхода сборника рассказов «Шайло и другие рассказы» («Shiloh and Other Stories», 1982), выдвинутого на получение Национальной книжной премии, премии Национальной ассоциации литературных критиков, Пен / Фолкнеровского литературного приза и удостоенного в 1983 г. премии им. Э. Хемингуэя за литературный дебют. С тех пор Мейсон

опубликовала еще 4 сборника рассказов, 5 романов, книгу воспоминаний («Clear Springs: A Memoir», 1999), выдвинутую на получение Пулитцеровской премии.

Уже на раннем этапе своего творчества писательнице удалось выработать особый стиль письма, близкий минималистской эстетике таких американских авторов, как Р. Карвер, Э. Битти и других. Как отметил российский литературовед А. М. Зверев, «повествование Мейсон отличается скупостью средств, а нередко какой-то подчеркнутой, даже вызывающей шаблонностью ситуаций, легко предсказуемыми развязками, слабым эмоциональным напряжением и обилием всего типового, банального – в изображаемом ею быте, но также и в сознании самих персонажей, в их помыслах, переживаниях, устремлениях, драмах» [1, с. 63]. Содержательная сторона стиля заключается в данном случае в том, что лаконизм и емкость языковых средств в произведениях писательницы (особенно в ее малой прозе) призваны передать специфику внутреннего мира и мировосприятия человека, личность которого в современном обществе формируется под влиянием процессов стандартизации и коммерциализации, а также потребления преимущественно развлекательного контента, предлагаемого средствами массовой информации. Все это ведет к деперсонализации, унификации стандартов и ценностей, инертности и конформизму. Вместе с тем, можно говорить об определенной эволюции минималистского стиля писательницы, о чем свидетельствует ее сборник рассказов «Идя зигзагами по дикой тропе» («Zigzagging Down a Wild Trail», 2002). Этот сборник примечателен тем, что в нем Мейсон затрагивает в целом не характерную для писателей-минималистов тему личностного самоопределения, изображая то, как «зигзаги» в судьбах героев заставляют их задуматься о своих жизненных целях и ценностях, эмоционально-психических потребностях. В рассказах сборника фигурируют характерные для творчества Мейсон типы героев: мужчины и женщины, за плечами которых – неудачный опыт семейной жизни, а в настоящем – работа, вечера перед экраном телевизора, случайные связи, встречи и расставания. Только нечто экстраординарное может подтолкнуть их к осознанию духовной пустоты и однообразия своей жизни, пересмотру жизненных приоритетов, и Мейсон средствами сюжета создает к этому предпосылки.

Один из ярких примеров жизненного «зигзага» представлен в рассказе «Тобра» («Тобга»). Джеки Холмс оказывается в непростой ситуации: ее отец, который оставил семью и с которым она не общалась более 35 лет, умер и в завещании указал ее в качестве опекуна своей дочери, мать которой также умерла. И теперь 44-летняя Джеки, которая дважды побывала замужем, сейчас встречается с Бобом Бёрнсом и почти смирилась с отсутствием собственных детей, оказывается в положении то ли сестры, то ли матери совершенно незнакомого ей ребенка – четырехлетней девочки с экзотическим именем Тобра. Появление Тобры нарушает устоявшуюся жизнь героини, заставляет «примерить» на себя новые роли. Парадоксально, но первой такой ролью оказывается роль не сестры или матери, а ребенка. Чтобы сблизиться с Тоброй, Джеки пытается посмотреть на мир ее глазами и в результате начинает видеть то, чего раньше не замечала, ценить то, чему ранее не придавала значения. Она учится у Тобры жить здесь

и сейчас, подчиняться не внешней логике событий, а интуиции, своим внутренним потребностям. Мейсон убедительно доказывает: такая смена перспективы давно была нужна героине. Джеки вспоминает собственное детство, его запахи, вкусы, расспрашивает о своих детских годах мать, с которой у нее никогда не было особенно близких отношений, начинает лучше понимать отца. Образ ребенка здесь выполняет роль катализатора процесса личностной трансформации героини, у которой внутри «как будто сломался какой-то предохранитель» [3, с. 29]¹. В финале рассказа Джеки демонстрирует готовность оставить девочку, несмотря на все связанные с этим трудности: получив письмо от родственников матери Тобры, готовых ее забрать, она замечает, что имя девочки они написали неправильно, и бросает письмо в мусорную корзину. Тобра, в свою очередь, демонстрирует готовность остаться с Джеки: она вдруг называет в качестве любимого цвета не зеленый, как раньше, а синий – любимый цвет Джеки, и уверенно заявляет «я готова», когда садится в ее машину в финале рассказа [3, с. 43]. Такой исход подготовлен всем ходом повествования и является результатом сложного процесса узнавания и принятия героями друг друга, а для Джеки – и самой себя.

В современном мире легко не только кардинально изменить свое социальное и культурное окружение, но и сконструировать новую идентичность, как это происходит с героиней рассказа «С «Роллингами» в Атланте» («Rolling into Atlanta»). Энни работает администратором в ресторане сети «Chez Suzanne's» в Атланте, однако на самом деле она выполняет задание начальства из головного офиса компании – следить за работниками и докладывать обо всех возникающих в ресторане проблемах. Энни живет в чужой квартире, хозяин которой в отъезде, по утрам она слушает радио, вечером смотрит телевизор, на работе автоматически улыбается посетителям, а коллегам рассказывает придуманные истории о себе и своем друге Скотте, ради которого она якобы и переехала в Атланту. Поначалу это захватывает Энни, она ощущает себя героиней шпионского триллера, с энтузиазмом придумывает фиктивную внешность, хобби, характер, семью, прошлое. Однако человеку, подчеркивает Мейсон, хочется искренних чувств и полноценной коммуникации, и в Энни просыпается тяга к настоящему, подлинному, особенно по мере того, как она сближается с главным официантом ресторана Весом, который, как выясняется в финале рассказа, уже догадался о том, какова истинная роль Энни в ресторане. Ему и читателям хочется узнать настоящую Энни, и автор дает героине возможность раскрыться в спонтанных поступках: она берет из приюта собаку, которая громко лает и переворачивает квартиру вверх дном, покупает у Веса два лишних билета на концерт ее любимой группы «Роллинг Стоунз» и отдает один из них (купленный якобы для Скотта) незнакомой женщине, которую встретила в библиотеке, и т. д. Представляется, что анималистический образ выполняет здесь ту же функцию, что и образы детей в других рассказах сборника, – является для героини примером естественного поведения, свободного от условностей и стереотипов.

¹ Здесь и далее перевод автора статьи. – И. К.

Обращаясь в рассказах сборника к семейной проблематике, Мейсон констатирует возрастающий распад семейных связей, однако демонстрирует, что современному человеку свойственны как крайний индивидуализм, так и потребность в принадлежности к некой общности. Избавившись от брачных уз, герои Мейсон снова думают о браке либо ищут и находят суррогатные «семьи» – группы по снижению веса, по поддержке бывших жен и т. д. В рассказе «Окна» («Window Lights») герой-рассказчик и его жена разъехались по ее инициативе, потом у нее появился другой мужчина, и, хотя те отношения распались, они с женой по-прежнему живут порознь. Герой переживает, что не может общаться с дочерью, винит себя в том, что в какой-то момент потянулся к алкоголю. Сейчас он находится в некой добровольной изоляции от общества – смотрит телевизор, ведет дневник и занимается изготовлением лоскутного покрывала. Эта традиционная женская работа имеет для него символическую значимость: так он надеется сохранить эмоционально-психологическую связь с женой и дочерью, а, возможно, и восстановить отношения с ними, ведь покрывало должно, по его задумке, стать сюрпризом для жены и частью свадебного приданого дочери. Сам герой говорит, что это занятие обладает для него неким терапевтическим эффектом, «становится медитацией – стежок, за ним другой, за ним еще стежок» [3, с. 151]. Очевидно, однако, что подсознательно он стремится к тому, чтобы буквально «по лоскуткам» собрать заново свою жизнь, создать свою «историю», не случайно выбранный им узор – это окна, наполненные светом, в голубых тонах, как символ надежды. Проблематика идентичности в данном рассказе раскрывается в контексте трансформации гендерных ролей и отхода от традиционных представлений о фемининности и маскулинности. Рассказ также может служить художественной иллюстрацией основных положений статусной концепции идентичности Дж. Марсии. Американский психолог акцентировал сущность идентичности как совместного проекта субъекта и его социального окружения и представил процесс развития идентичности в виде двух этапов – поиска и принятия. На основе этого он выделил четыре статуса идентичности, отражающие присущее субъекту в определенный период специфическое содержание идентичности: достигнутая, предрешенная, диффузная идентичность, мораторий. Герой рассказа «Окна», на наш взгляд, находится в состоянии «моратория», когда он «критически осмысляет цели, ценности, идеалы на предмет возможности идентификации с ними, не стремясь принять какой-либо из них» [2, с. 156]. Данная стадия предполагает активный поиск идентичности, перебор вариантов ее построения, однако субъект не готов брать на себя какие-либо конкретные обязательства. «Необъяснимым образом теперь, когда она вернулась в город, я как будто ее отталкиваю» [3, с. 149], – говорит герой о своих отношениях с женой.

Рассмотрение рассказов сборника в контексте проблематики личностного самоопределения позволяет выявить авторское представление об идентичности как конструируемой в процессе решения жизненно значимых проблем. Переживая кризис идентичности и «примеряя» на себя разнообразные социальные и гендерные роли, герои Мейсон обнаруживают свое «я» в стихийных, порой

иррациональных поступках, при этом становятся проницаемыми или стираются границы между детским и взрослым, мужским и женским, реальным и фиктивным. Мейсон акцентирует психологический и социокультурный аспекты самоидентификации: чувства неуверенности и тревоги, сопровождающие этот процесс, и его обусловленность изменчивостью социальных, экономических, культурных структур.

Литература

1. *Зверев, А.* Рецензия / А. Зверев // Современная художественная литература за рубежом. – 1990. – № 1. – С. 63–67.
2. *Злоказов, К. В.* Вопросы развития идентичности в работах последователей Эриксона / К. В. Злоказов // Педагогическое образование в России. – 2015. – № 9. – С. 155–161.
3. *Mason, B. A.* Zigzagging Down a Wild Trail / B. A. Mason. – New York: The Modern Library, 2002. – 209 p.

У. І. Куліковіч (Беларусь)

АРФАГРАФІЯ ІМЁНАЎ ГІСТАРЫЧНЫХ АСОБ У «ЗАПАВЕТНЫМ СКАЗАННІ МАНГОЛАЎ»

«Запаветнае сказанне манголаў» («Монголой нюуса тобшо» – «Патаемная гісторыя манголаў») – першы гістарычны твор, напісаны ў год Мышы (1240) і прысвечаны гісторыі ўзвышэння роду Чынгіс-хана, яго ўчынкам і жыццю мангольскай дзяржавы ў першыя гады яго смерці [2]. Па значнасці ён параўноўваецца з такімі шэдэўрамі сусветнай нематэрыяльнай культурнай спадчыны, як «Слова пра паход Ігаравы», «Іліяда», «Калевала». Але адрозніваецца жанравай класіфікацыяй. Адны даследчыкі лічаць помнік багатырскім эпсам, сапраўдным літаратурным творам (Б. Я. Уладзімірцаў), другія – эпічнай паэмай пра Чынгіс-хана (С. А. Козін), трэція – памфлетам (Л. М. Гумілёў) [4, с. 3–5]. Падставамі для гэтага з’яўляюцца кампазіцыйныя элементы, якія ўваходзяць у структуру аповеда. Гэта і праяўленыя часткі, складзеныя з легендаў, паданняў, узораў канцылярскага маўлення, і вершаваныя фрагменты, што ўзыходзяць да народнай паэзіі.

Адкрыты ў 1866 г. выдатным рускім сінолагам П. І. Кафаравым, гэты тэкст «парадзіў такую плынь даследчай літаратуры, што сёння можна гаварыць пра адмысловую дысцыпліну ўнутры мангалістыкі, якая мае сваім прадметам «Запаветнае сказанне» [4, с. 3].

За перыяд даследавання яго перавыдавалася больш за 200 разоў. Па-мастацку і па-навуковаму перакладзена на многія мовы свету (больш за 20): англійскую, балгарскую, іспанскую, сучасную мангольскую, нямецкую, рускую, французскую, чэшскую і інш. Аднак складаная задача па стварэнні грунтоўнага навуковага